

Валерий Лялин

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Валерий Лялин
Нечаянная радость

Православное издательство "Сатисъ"

2004

Лялин В. Н.

Нечаянная радость / В. Н. Лялин — Православное издательство
"Сатись", 2004

ISBN 5-7373-0265-2

Новая книга рассказов Валерия Лялина – это книга о православной России, ее людях, о встречах, которые Господь посылает нам. Во всех бедах и потерях душа русского человека сохранила веру в любовь и милосердие Божие. «Радуйся, Ангелов многословущее чудо; Радуйся, бесов многоплачевное поражение. Радуйся, Свет неизреченно родившая; Радуйся, Невесто невестная. Поешь и чувствуешь, что все они с тобой: и Ангелы святые, и Матерь Божия, и Сам Христос. И умиление на душе, и слезы на глазах. И после этого кто на нас, если с нами такие Силы Небесные?!»

ISBN 5-7373-0265-2

© Лялин В. Н., 2004

© Православное издательство
"Сатись", 2004

Содержание

Серебряный крест	6
Заблудший	10
Тяжелые времена	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Лялин

Нечаянная радость

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского ВЛАДИМИРА*

Серебряный крест

Вначале тридцатых годов прошлого века, когда особенно усилилось гонение на Православную Церковь, в конце лета мы с бабушкой жили на даче в деревне Тихонов бор. Старички говорили, что еще в незапамятные времена здесь, у края леса, поставил себе келью, жил и спасался угодник Божий Тихон, от имени которого и получила название деревенька. Преподобный Тихон жил долго и за свою жизнь успел много сделать людям добра. К нему ходили за советом и за утешением, а некоторые за исцелением болезней, которые он лечил травами, молитвой и освященным елеем. После его праведной кончины, за давностью времен, келья его развалилась и истлела, под снегами и дождями затерялась и сравнялась с землей могила угодника, но чистый родник, который называют Тихонов ключ, остался и живет, устроенный руками преподобного старца. Упругая струя чистой холодной воды не замерзала зимой даже в сильные морозы. Уже многие годы вода безостановочно льется из темной железной трубы, вделанной в лесной пригорок. Под трубой устроена небольшая купель, выложенная камнями, в которую можно встать под струю воды. А рядом с купелью врыт в землю древний дубовый крест-голубец с врезанной в него медной иконкой – «Знамение Пресвятыя Богородицы».

Никто, даже безбожные местные комсомольцы, не дерзнули разрушить это святое место. Сюда за святой целебной водой народ ходил даже из дальних деревень. Каждое утро я брал в сени пустое ведро и шел к Тихонову источнику за водой. Правда, у нас во дворе был свой колодец, но бабушка воду из колодца брала только для стирки белья, а для питья всегда посылала меня к Тихонову ключу. Хорошо было идти рано утром босиком по росистой траве, когда светило, но еще не пекло, восходящее солнышко, в траве начинали стрекотать кузнечики, а над головой стремительно проносились стрижи. Я подошел к источнику и, как велела бабушка, перекрестился на большой крест-голубец, приложился губами к холодной медной иконке и хотел уже набирать воду, как солнечный лучик скользнул по большому кресту, по купели, куда падала струя и, отразившись в воде каким-то блеском, ушел в сторону. Я подумал, что в купели оказался кусочек стекла и, наклонившись, стал шарить рукой, чтобы выбросить его вон. Но в моих пальцах оказалось не стекло, а нечто другое. И когда я вынул руку из воды и раскрыл пальцы, на моей ладони лежал широкий, длиной с мизинец нательный крест. Он был тяжеловат, массивен и, вероятно, сделан из серебра. На лицевой его стороне был изображен православный восьмиконечный крест со страстями Господними в виде копыя и трости с укусной губкой, а также надписи: «Царь Славы», «Сын Божий», «Иисус Христос». На оборотной стороне был бесоотгнательный девяностый псалом.

Когда я поставил полное ведро в сенях и показал бабушке найденный крест, она бережно взяла его и поцеловала. Надев очки, она его долго рассматривала, поворачивая из стороны в сторону, и, наконец, сказала, что крест старинный, православный и, похоже, что неношенный.

– Вася, это Ангел тебе его положил в купель, но, на всякий случай, я напишу записку, и ты прикрепи ее там, у источника, – бабушка написала такую записку: «Если кто-то что-то здесь потерял, пусть спросит в доме Тимофеева». Записка у родника висела целых две недели, но никто за крестом не пришел.

– Вася, – сказала тогда бабушка, – это тебе указание Божие о том, что пора принять святое Крещение.

Надо сказать, что в те времена власти преследовали и строго наказывали родителей, осмелившихся крестить своих детей, и я в свои двенадцать лет ходил некрещенным. Хозяйка дома указала бабушке на деревню Горки, где доживал свой век старый священник, бежавший от властей из города. Моя бабушка – старуха еще николаевских времен – все церковные обычаи знала назубок и для крещения приготовила мне белую крестильную рубаху, поясок, большое вышитое петухами льняное полотенце, восковые свечи и все это сложила в узелок вместе с найденным крестом. Священнику в подарок она испекла большой пирог с капустой и приготовила десять рублей деньгами.

Чтобы добраться до Горок, надо было вначале идти лесом, потом полем, спуститься с горушки к реке и кричать переправу на другой берег. Река Мета, впадающая в Ильмень озеро, была не широкая, но глубокая и с быстрым течением.

От глубины вода в ней была темная, и обрывистые берега поросли кустами ольхи. У переправы на кривом суку висел кусок рельсы и молоток с железной ручкой.

– Степан! – кричала бабушка.

– Степан! – кричал я и бил молотком по рельсе.

После долгого кричания и бития в рельсу из крайней к реке избы вышел коренастый мужичек. Подняв рубаху, он чесал себе живот и лохматую голову, широко зевал и из-под ладони смотрел на наш берег. Лодка, на которой он подплыл к нам, была выдолблена из целого ствола дерева и отличалась верткостью и неустойчивостью, за что в народе звалась – душегубкой. Она шла по воде, высоко задрав тонкий нос и осев на корму, на которой сидел Степан и греб одним веслом. Я влез в лодку и сразу шлепнулся на сидение. Бабушка же, подняв подол, неуверенно пыталась ступить ногой в утлую ладью. Наконец, она влезла, едва не перевернув лодку.

– Степан, – сказала она, – а мы, случаем, не утопнем в ней?

– Не впервой, – буркнул Степан.

Я не понял, что он имел в виду: не впервой топить или перевозить? Степан греб, и лодка, слегка виляя носом, легко скользила по воде. Я опустил руку и растопырил пальцы. Вода была теплая, парная и приятно журчала меж пальцев.

– Не балуй, – сказал Степан.

На другом берегу беспокойно бегала и лаяла Степанова собака, ожидая своего хозяина. Лодка ткнулась носом в отмель, и мы стали осторожно вылезать на берег.

– Не кусит нас кобель-то твой? – спросила бабушка.

– Не бойсь, не кусит, – проворчал Степан, принимая от бабушки рублевку.

Старый батюшка Алексей занимал лучший, отгороженный занавеской угол в избе у своей дальней родственницы. За занавеской было окно с широким подоконником, на котором в горшках привольно росли любимые деревенскими хозяйками цветы: герань, фуксия и «вань-ка мокрый». Старик любил цветы и свой подоконник называл – «монплеизр». Рядом с окном стояла искусно сделанная божница с иконами хорошего новгородского письма. Под божницей был шкафчик с церковными книгами и творениями святых отцов. Сбоку на божнице висела ряса и епитрахиль. Когда хозяйка завела бабушку и меня за занавеску, батюшка сидел в подряснике

за столом и, воздев очки в металлической оправе, читал толстую книгу с медными застежками. Бабушка, как опытная прихожанка, вначале помолилась на иконы, а потом с поклоном подошла к батюшке под благословение. Я тоже перекрестился на иконы и сделал батюшке низкий поклон. Бабушка положила на тумбочку пирог с капустой, десятку и кратко изложила свою просьбу.

– Это можно, можно, – сказал батюшка. – А знает ли он молитвы?

Я ответил, что научен бабушкой «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и «Верую».

– Хорошо, – сказал батюшка, – вечером придешь ко мне на исповедь и я тебе расскажу порядок Таинства Крещения и что тебе отвечать на мои вопросы. Утром быть натощак. Не есть, не пить. Крестить пойдем на реку Мету рано утром, чтобы никто не видел. Сам знаешь, какие сейчас времена. А тебя, раба Божия, – обратился он к бабушке, – я хочу предупредить, что святого мира у меня не имеется. Придется потом в городе пойти в церковь к настоятелю, чтобы он дополнил Крещение помазанием отрока святым миром.

Бабушка виновато поведала священнику, что крестить в городе боялись, чтобы за это родителей не уволили с работы, а сейчас решились, потому что в святом источнике Вася нашел крест.

– Значит, такова воля Божия, – сказал батюшка и, посмотрев на образа, перекрестился.

На рассвете, когда еще в Горках и петухи не пели, а в баньке, положив под голову кочан капусты, сладко спал деревенский «петух» дядя Егор, мы спустились по косогору к реке. Вода в реке была тихая, и над ней стоял молочный туман, было слышно, как плескалась крупная рыба и в прибрежных кустах кричали утки. Батюшка Алексей, в темном подряснике, в поручах и епитрахили, выбрал удобное место, зажег и поставил на камни три свечи. Вначале по требнику он читал молитвы и опускал целовальный крест в воду, чтобы отогнать бесов, тайно собравшихся у берега, чтобы испакостить крещение, затем вопрошал меня, отрекаюсь ли я от сатаны и всех дел его. Я, конечно, тут же отрекся и трижды плюнул в сторону запада, где обитает проклятый враг Христов. Бабушка развязала узелок, аккуратно разложив крестильную рубаху, полотенце, поясок, положив сверху найденный именитый крест. Раздевшись, в чем мать родила, я ступил в теплую, парную воду реки. Под ногами хрустел песок и резвились веселые пескари. Что-то темное и большое медленно ушло в глубину. По команде батюшки трижды, с головою, «во имя Отца и Сына и Святого Духа» – погружался в воду. Когда я вышел из реки, бабушка обтерла меня грубым льняным полотенцем и отдала его батюшке. Я не признавал, что со мной происходит и был как будто во сне. В глазах было синее небо, цветы и бабочки, порхающие вокруг меня. Батюшка, взяв крест и взвесив его на ладони, сказал, что он тяжеловат и немного велик для такого мальчишки, как я, но за неимением другого благословил носить его во спасение души и в жизнь вечную, тем более, что сам Бог послал его мне во святом источнике.

В избе у батюшки мы сидели за столом и пили чай из самовара с теплым, только что спеченным хлебом, намазывая на куски душистый, янтарного цвета мед.

На войну меня призвали весной 1942 года и, наскоро обучив пулеметному делу и штыковому бою, отправили с эшелоном под Сталинград. Там, где мы остановились, куда ни взгляни, расстилалась мрачная, уже выгоревшая на солнце степь, по которой ветер гонял колючие шары травы «перекасти поле», пригибал пушистый ковыль и играл обрывками бумаги разгромленных венгерских штабов. Местами виднелись сгоревшие танки, разбитые обозные машины, смотревшие в небо или уткнувшиеся стволами в землю брошенные пушки. Вместе с шестой, победоносно прошедшей по Европе, армией фельдмаршала Паулюса брать Сталинград пришли многие народы Европы. Здесь, в этой русской степи их уже расклеивали вороны и степные стервятники. Некому было их хоронить, да и не до мертвецов тогда было. Под ветрами-суховьями и палящим солнцем они вначале неимоверно раздулись, потом опали и, высохнув, лежали

черными головешками. Здесь полегла целая венгерская армия, лежали и гнили здесь румыны, итальянцы, словаки, ну а немцы своих павших все же как-то успевали хоронить.

Из этого царства мертвых нас перебросили в район кипящего боем Котельникова, где в штыковой атаке я был ранен в грудь. Меня вынесли из боя две молодые крепкие санитарки. Я лежал, дожидаясь своей очереди, у медсанбата на заскорузлых от чужой крови носилках и, задыхаясь, старался набрать в легкие как можно больше воздуха. Степного воздуха кругом было много, но мне он не давался и я умирал. В операционной, очнувшись пока меня бинтовали, я слышал разговор военных хирургов, что на мое счастье вражеская пуля, ударившись в крест, отклонилась от сердца и прошила легкое.

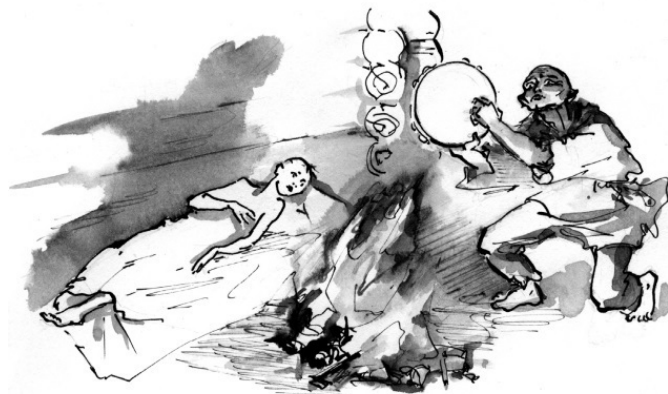
Из медсанбата меня перевезли в прифронтовой госпиталь, который именовался «Грудь-живот», потому что там лежали раненые в эти области тела. Крест, спасший мне жизнь, хирурги из медсанбата мне отдали, привязав его к руке. Он был погнут немецкой пулей, но носить его было можно. Уже в госпитале я надел его на шею, и соседи по палате с удивлением разглядывали его. Так и ходил я по коридору с крестом на груди и медалью «За отвагу» на сером госпитальном халате. Окончательно я поправился уже в госпитале в городе Иваново. Когда я уже был в силах, то тайно уезжал в самоволку в Сергиев Посад, где посещал знаменитые церкви и соборы, а также навещался в канцелярию духовной семинарии. Ректор семинарии так прямо мне и сказал: «Поправляйся и приходи к нам. Примем тебя, не сомневайся».

Так и пришел я потом в семинарию в солдатской форме, с медалью «За отвагу» на гимнастерке.

С тех пор прошло много лет. Я уже сам стал старым священником с седой бородой. Заветный крест мне выпрямил ювелир, и я ношу его до сих пор. Родители и бабушка умерли в Ленинграде в блокаду. Но я не один. Со мной моя матушка – верная спутница жизни, взрослые дети и внуки. Но самое главное – мои дорогие прихожане. Их много, и Сам Господь поручил мне пасти и наставлять их словом Божиим.

Заблудший

Под осенним холодным дождем горы как бы озябли и, скучившись, окружили человеческое жильё, состоящее из невзрачных избушек, сложенных из почерневших от времени бревен. В избушках гнездилась и билась в нищете и болезнях человеческая жизнь. Время было серое, тоскливое и окаянное. Мужиков в деревне почти всех повыбило на войне, а которые были, те по своему калецтву ни на что не годились: ни в работу, ни на семья. Они пришли из госпиталей в совершенно разваленном состоянии – кто без ног, кто без рук – и лежали в полутемных избах, лохматые, заросшие бородами, и от утра до вечера заливались самогоном, который хозяйки гнали из картофеля, да смолили махорочным самосадам, завертывая сигарки из районной газеты «Ленинский путь».

По утрам мой отец, однорукий председатель колхоза, едва вытаскивая из вязкой грязи сапоги, обходил все избы и, стуча в запотевшие окна, выгонял женщин на работу. Мне в то время было лет десять, и я уже целую неделю лежал в лихорадке дома. Время от времени ко мне подходила бабушка и подносила к пересохшим губам брусничное питье. Поскольку в нашей Шамбале никакой медицины не было, не было ее и на десятки километров в окружности, поэтому для моего излечения бабушкой был приглашен старый якутский шаман. Шаман – маленький старичок с табачного цвета сморщенным безволосым лицом, одетый в пестрые цветные лохмотья, с большим бубном, притащился под вечер. Он приветствовал нас, говоря, что с ним пришло «Дэмчок» – доброе счастье и охранительное божество. И что как только он начнет камлание, так сразу дом покинут сорок четыре злых восточных «Тенгри», и на их место он приведет пятьдесят пять добрых западных «Тенгри». Первым делом, он велел запереть в подполье нашу собаку и развести во дворе большой костер.

Войдя в избу, он дунул на все четыре стороны, приказал бабке повернуть лицом к стене икону, а затем осмотрел меня, ощупал мне шею, живот и ляжки. Из-под лохмотьев он вынул три коровьих рога: белый, черный и пестрый. Из каждого рога он доставал густую пахучую мазь и корявыми пальцами втирал ее мне в кожу. Затем из плоской старинной зеленого стекла фляжки налил мне жгучей коричневой жидкости и велел выпить. Все загорелось у меня внутри, сразу оставила слабость, и необъяснимое буйное веселье охватило все мое существо. На войлочной кошке меня вынесли во двор и положили на землю у костра. Шаман в медном котелке заварил на огне какие-то травы, грибы и коренья, остудил и разом выпил. После чего сел на землю лицом к костру, возложил на себя полосатый плат со священным знаком «Тамга» и тонким старческим фальцетом запел песню белого оленя, который гуляет в стране Шамбала, стране всеобщего благодетельства. Темп пения все ускорялся, звук усиливался переходя в визг и где-то из подполья ему вторила, подвывая, запертая собака. Внезапно шаман встал,

выпрямился и дробно застучал в бубен. Стуча и подпрыгивая, он стал медленно ходить вокруг костра, носком сапога очерчивая круг, в котором оказался и я. Наконец, он завыл полярным волком и, стуча в бубен, пустился в пляс вокруг костра. Без усталости он пел, кричал, кружился и подпрыгивал, и это шаманское камлание продолжалось не менее получаса. Затем бабушка принесла ему живого красного петуха, и шаман, ловко оторвав ему голову, окропил меня горячей кровью.

Напившись крепкого до черноты чая из самовара, шаман ушел, унося под мышкой большую бутылку самогона и таща за веревку нашего единственного двухлетнего барана. А утром я встал здоровым.

Несколько лет кряду в нашей местности были неурожайные годы, и малые дети не могли встать на ноги изуродованные рахитом. Я тоже был плох, и часто кроме картофельных очисток нечего было есть, и поэтому я хорошо не вырос и был недомерком. С питанием было плохо, но зато образование по нашим местам считалось очень приличным. Школа находилась в приспособленном бревенчатом сарае и называлась – семилеткой. Учитель на всех и про вся был один – какой-то ссыльный старый бухгалтер. Все мы сидели вместе от первого до седьмого класса, и учитель все время обходил нас, склоняясь то к одному, то к другому. Детей было мало. В некоторых классах по два-три человека, а были классы, где сидел один человек. Вот я так и жил в государстве по имени СССР на бескрайних просторах Сибири, пока не подошло время идти на действительную службу в армию. После войны в армию брали почти всех подряд. Не брали только, если совсем слепой, или без ног, или сумасшедший. Был я коренастый, но ростом мал, и потому отцы-командиры в военкомате порешили: быть мне шофером. И стал я шофером. Занятие это для меня было очень самоутвердительным и нравилось мне. Сидишь себе в кабине грузовика, и не видно, что ты – коротышка. Даже девушки улыбались мне, а девушки на Ставрополе, где я служил, были первый сорт. Сразу видно, что они не питались картофельными очистками, а росли на сметане да сливках – такие они были рослые белозубые красавицы. Но стоило мне выйти из машины, как цена моя падала, и девушки отворачивались от меня.

Однажды, когда в казарме перекладывали печку, я разговорился с печником – голубоглазым пожилым мужиком, который к моему удивлению не курил и всегда был трезвый. На мои недоуменные вопросы он достал из кармана брюк пухлую засаленную Библию малого формата и прочел мне о проклятых Богом и людьми красноглазых пьяницах, которые все как один были слугами сатаны. О себе он сказал, что состоит в церкви трясун-пятидесятников и приглашал меня на молитвенное собрание в воскресный день. Поглаживая большой грубой ладонью Библию и сладко прижмурив глаза, он говорил, что Бог может все сделать по вере нашей и даже прибавить рост, надо только крепко верить и все получить.

Заслышав о росте, я решил сходить к ним на собрание и в ближайшее воскресенье, начистив до блеска сапоги, отправился по указанному адресу. Церковь трясун-пятидесятников оказалась простым домом с просторной светлой горницей. Когда я вошел, то в горнице на лавках сидели разутые мужики и бабы и мыли в тазах друг другу ноги. Мне сказали: так надо. Раз так надо, то я тоже стащил с ног сапоги, и мне ноги вымыла одна симпатичная молодка, а я вымыл ей. Она перед помывкой предупредила меня, чтобы выше колен я ей ноги не лапал, а то знает она нашего брата солдатню. Ноги у нее были прямо сахарные, и мне от нее было большое искушение.

Затем все начали молиться, бурно испрашивая о схождение на них Духа Святого. Молились они все горячее и громче и начали дергаться и прыгать. Прыгали, прыгали, пока не устали, и тем разгорячили себя. Затем было чтение Евангелия, которое читал пресвитер – лысый худой мужик в очках. После чтения каждый вставал и толковал прочитанное во что горазд. Я тоже прыгал рядом с молодкой, но больше думал не о сошествии на меня Духа, а о ее прелестях. Пресвитер всем раздал книжечки, и молящиеся запели духовные гимны. Пели много и долго, пока не охрипли. Затем опять просили о схождение Духа. Прыгали, прыгали и допрыгались до

говорения языками. Бабы и мужики тархтели всякую несуразицу, ломая язык, выделяясь под иностранщину. У меня аж в ушах засвербило. Когда все – растрепанные, потные и красные – немного угомонились, пресвитер стал проверять в кого вошел Дух Святой, а в кого не вошел. Все по очереди подходили к пресвитеру и норовили падать затылком назад. В самый последний момент пресвитер подхватывал падающего, чтобы тот не навернулся затылком об пол. Не все могли падать назад, и поэтому считалось, что Дух Святой в них не вошел. Все это мне было забавно, и я почему-то вспомнил о кампании нашего шамана.

Вобщем, посмотрелся я на них и ничего кроме молодки у них меня не привлекало. Было лето, трава в степи высохла, пожелтела, и только горячий ветер постоянно шевелил пушистый ковыль, разносил запах чабреца да гонял колючие травяные шары «перекати поле». И мы с молодкой по вечерам ходили гулять в степь, где земля была теплая от дневного нагрева, где постоянно трещали цикады и уныло кричала какая-то птица. Молодка оказалась вдовой и охотно ходила со мной гулять в степь, хотя и была выше меня на целую голову. Но как пословица молвила – «Любовь зла, полюбишь и козла», а вдовушка меня любила и желала соединиться со мной законным браком. Но я почему-то не решался, думая, что пока еще рано. О чем потом всегда жалел беспрестанно. Потом мне уже надоело прыгать с пятидесятниками в горнице, и я оставил любезную вдовушку. А тут, кстати, подкатил дембель, и я стал свободен как птица.

После дембеля я, пошатавшись по Ставрополю, устроился шофером в передвижной цирк «шапито». Хотел съездить в свой таежный поселок Шамбалу, но получил письмо, что там у меня никого уже не осталось. Наш передвижной цирк был настоящий «Ноев ковчег» на колесах. В клетках томились и звери, и гады, и птицы, и даже тюлени. Были и собаки, и лошади. Не знаю, во имя чего велась такая бродячая жизнь на износ. Капиталов, как мне известно, никто не нажил себе, не было у циркачей ни квартир, ни собственных автомашин. Но люди и звери в потоке этой цирковой жизни как бы таяли. Утекало здоровье, уходили силы и молодость. Приехав в какой-либо город, цирк первым делом снимал у горожан жилье для артистов и сотрудников.

Мне как-то раз пришлось жить в одной квартире с семьей акробата. Худая подслеповатая старуха, хозяйка двухкомнатной квартиры, быстро спланировала свою дочь и внука к деревенским родственникам, а сама устроилась спать в ванной, из которой она выглядывала, как ворона из гнезда. Сдача в наем своего жилья ее не обогатила, но радикулит в холодной и сырой ванне она нажила себе по гроб жизни. Семья акробата состояла из сухопарой вертлявой жены и подростка сына, все они свято верили в семейный талисман – перстень, который красовался на толстом пальце правой руки акробата. Когда этот здоровяк мылся, он аккуратно клал этот перстень на край раковины и, помывшись, вновь нанизывал его на палец. Он участвовал в цирковом номере «Пирамида», где держал на себе множество взгромоздившихся на него акробатов. Прежде чем дать команду на построение пирамиды, он брался за перстень и трижды окручивал его вокруг пальца. Совершив этот незаметный ритуал, он уже был спокоен, что не сдаст под тяжестью пирамиды, и акробаты под музыку весело забирались на него, и он, натужась, держал этот чудовищный вес. Однажды, торопясь в цирк, он забыл надеть перстень и, когда дело дошло до пирамиды и он привычно хотел повернуть перстень, перстня на месте не оказалось. Атлет весь похолодел от страха. Пришлось номер отодвинуть и послать за перстнем.

Был у нас в цирке один интересный иллюзионист, который в полутьме на арене вызывал духов на потребу публике. Духи не чинясь появлялись, как через кисею или мутное зеркало. Публика заказывала то Наполеона, то Сталина, то Нострадамуса, то какую-нибудь утлую старушку – родительницу заказчика. Я всячески ластился к мрачному иллюзионисту, поил его коньяком и пивом: скажи да скажи, как ты это делаешь? Что это? Ловкость рук, одурачивание публики или истинное явление духов?

Усидев всю бутылку коньяка и выдаивая из нее последние капли, иллюзионист резко ронял: «Истинные духи без обмана, порожденные черной магией». Когда я приходил к нему домой, то часто заставал его сидевшего на полу в позе лотоса, уставившегося на висевший на стене индусский коврик и вдыхающего сладкий пряный дым из восточной курительницы. После представления, на ночь глядя, он всегда был основательно пьян, и из его комнаты слышались вопли и рыдания. Цирковой сторож дядя Миша, бывший дрессировщик медведей, относительно иллюзиониста всегда предостерегал меня: «Ты, Вова, не ходи к нему. Темный он человек, и вообще, пес его разберет, что он за личность».

История с иллюзионистом закончилась страшно и таинственно. Однажды он пропал. Искали его, искали и, наконец, обратили внимание на дым, валивший из сортира. Иллюзионист сидел на стульчаке, или, вернее, сидело то, что от него осталось. Когда до него дотронулись, он рассыпался в прах. Осталась только одна правая нога в ботинке. Приехавшие к месту происшествия криминалист и судебный медик в удивлении ходили кругом да около и не могли понять, каким образом мог сгореть человек, не воспламенив ничего вокруг. Из прокуратуры звонили в Москву к профессору-криминалисту, который разъяснил, что самовозгорание бывает и такие случаи наукой описаны, как у нас, так и за границей. Описан такой случай и у Чальза Диккенса в романе «Холодный дом». Жертвами обычно бывают субъекты, много лет злоупотреблявшие спиртными напитками. Явление это загадочное, до конца наукой не объяснено и сродни полтергейсту, шаровым молниям и прочим мистическим штучкам. Впрочем, уголовное дело открывать не стали. Ногу хотели поместить в краеведческий музей, но директор цирка запротестовал, и коллеги усопшего проводили ногу в последний путь на кладбище.

На меня это происшествие ужасно подействовало и я, распрощавшись с цирком, уехал в Санкт-Петербург поближе к культурным ценностям по совету нашего клоуна, мужика мудрого и непьющего, который сказал, что одних только музеев в Питере аж сто двадцать три штуки. По приезде в Петербург я быстро нашел на себя спрос, так как имел еще дефицитную специальность сантехника. В районе новостройки сдавали громадный дом, и там я вначале получил комнату. Начальник кооператива сказал мне, что если бы я был женат, то мог бы отхватить однокомнатную квартирку. Я это учел и принял к сведению. Начальник был очень доволен, что я непьющий и сказал: «Мы тебе все условия предоставим, только работай. Зарплата – хорошая, квартирка в перспективе. Кроме того навар с жильцов всегда будешь иметь. Как говорится: “Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево”. Ну, бывай здоров!»

Время я даром не терял и духовную жизнь Петербурга начал изучать в обществе последователей Порфирия Иванова – натурфилософа и вообще крутого деда. По канонам «Детки» я отрастил себе окладистую как у австралийского аборигена бороду, отпустил шикарные до плеч патлы, ходил босой в широких семейных трусах и не плевал на мать сырую землю.

В этом обществе я познакомился с одной девахой, которая комплексовала по поводу своей грубой и дикой фамилии – Кабанова – и пламенно мечтала сменить ее на что-нибудь деликатное, интеллигентное. Узнав, что она комплексует, я подъехал к ней со своей блистательной фамилией – Синегорский, – и мы, столковавшись, заключили фиктивный брак с большой взаимной выгодой. Я из коммуналки перебрался в однокомнатную квартиру, правда, на первом этаже, а деваха Кабанова стала мадам Синегорская.

В новой квартире я первым делом соорудил книжные полки, которые стал заставлять книгами, купленными мной на воскресной книжной барахолке на окраине города. И первым моим приобретением, которое я гордо нес с барахолки, было сочинение Экскартгаузена – «Ключ к таинствам натуры». Затем на полки легки книги Сведенберга, Блаватской, Ани Безант, Рериха, «Махабхарата», Свами Вивиконанда, Суфии Востока, Белая и Черная Магия, старина Поль Брэг – «Чудо голодания» – и множество других подобных и неподобных книг, которые я основательно пропахал и принял к сведению. Посещая молодежные тусовки, я рас-

сказывал что знал, и слава моя росла. У меня появились ученики и последователи, которые стали называть меня «Гуру» и в низком поклоне «брали прах у моих ног».

Библию я тоже изучил основательно, но признал ее книгой примитивной по сравнению с индусской премудростью. И дерзость моя была беспредельна, и я решил испробовать: есть ли сила в церковном Причастии? После Светлой седмицы пошел я в церковь. Народу там было – тьма, и исповедь общая. Таким образом, не имея крещения и без исповеди, я встал в очередь причащающихся. Причащал упитанный небольшого росточка иеромонах Прокл. Сказав свое имя, я проглотил нечто винное и хлебное, что было мне преподано на ложечке, и отошел в сторону, не испытав ничего особенного.

«Да в пагубу себе причаститесь» – не получается», – подумал я и направился к выходу. Как вдруг дикая боль пронзила все мои внутренности и железным ежом завертелась где-то около копчика. Я облился холодным потом и опустился на пол в углу. Вероятно, я был очень бледен, потому что ко мне подходили люди и спрашивали: не вызвать ли скорую помощь? Я просил вызвать такси. До такси со стонами я шел, держась за стенку. Шофер думал, что я пьян, и не хотел меня везти, но я сразу дал ему деньги, и он отвез меня домой. Когда, наконец, боль прошла, я очертил мелом круг, зажег курительные пирамидки и сел, чтобы творить мантру и медитировать. Через час наступило состояние экстаза, и на стене фосфорическим светом стало мерцать изображение химерического чудовища «Макара», тогда я взял ритуальное зеркало «мелон» и, посмотрев в него, увидел адского козла бафамета, который приказал мне отречься от Христа навеки. И я отрекся.

К весне я уже примкнул к обществу почитателей древне-славянских верований. По всем правилам в березовой роще мы соорудили капище, вырубил из бревна и поставили там торчком Перуна, Велеса, а также развесили на ветках чучела в балахонах и белые простыни. И получилось очень клево. На Ивана Купала мы устроили празднество в честь бога Ярилы. В начале было камлание перед Перуном и Велесом. Жрец Эдик Фрадкин в белом балахоне и березовом венке на голове ритуально зарезал гуся и помазал кровью богам рты. Затем гуся зажарили на шампуре и все ели – идоложертвенное. После жертвоприношения мужеский и женский пол разделись догола, выкурили по косячку марихуаны и бегали по березовой роще, вдогонку оглашая округу воплями: «О, Перун! О, Велес! О, Ярило!» Скакали через костер, наелись до отвала принесенных с собой блинов, и все стались довольны.

Но со мной после кощунственного причастия, отречения от Христа и языческого празднества стало твориться что-то несуразное. Первым делом плохо стало со сном. Короче, он почти совсем пропал. А если я и засыпал, то сразу начинал давить «домовой», и я в страхе просыпался и уже дальше боялся спать. Днем работа валилась из рук, потому что не выспался. Потом стали являться покойники. Первой ночью прискакала нога иллюзиониста, отбила чечетку и с хохотом ускакала. А затем пошла целая вереница виденных мною мертвецов. Тут был удавившийся в нашей роте чучмек, притаившийся с вываленным фиолетовым языком и веревкой на шее, раздутая от водянки покойная бабушка, задавленный моей машиной на Ставрополье здоровенный боров с выпавшими кишками и разные другие мертвецы, которые не уходили, а поселились у меня на квартире и переговаривались между собою ржавыми скрипучими голосами, всячески понося и осуждая меня. Каждую ночь они устраивали бесовский шабаш. Бесовский потому, что к покойникам присоединялись и бесы. Я с ними так намучился, что уже бросил ходить на работу и сидел в каком-то тупом оцепенении. Один мой знакомый альпинист оставил у меня свое горное снаряжение, среди которого я углядел прочную капроновую веревку. «Вот то, что мне сейчас надо», – подумал я и соорудил себе петлю, которая быстро захлестнет мне глотку и избавит от всех проблем. На кухне оборудовал специальный уголок, привязав веревку к фановой трубе. Покойники и бесы хором хвалили меня и приветствовали мое начинание. Сейчас я узнаю, что же там за гранью жизни, и согласно учению о карме во что-то воплощусь. Но во что? Может в камень, может в крысу, может в лохматую

дворнягу. Я встал на табуретку и накинул петлю себе на шею. Стало тихо, только в фановой трубе, тянущейся от двенадцатого этажа, периодически шумели клозетные водопады.

– Неужели это последнее, что довелось мне услышать в жизни? – подумал я и снял с шеи петлю. – Черт бы меня побрал, это всегда успеется! Я посадил своего домашнего кота в сумку и отнес его на квартиру к мадам Кабановой-Синегорской, запер двери своей квартиры и поехал в древний отдаленный православный монастырь. Пока я ехал, все думал, что забрел я не на ту дорожку. Заблудился я, крепко заблудился во мгле этой жизни. В монастыре меня повели к Игумену. Вошли к нему со всеми монастырскими церемониями. На языке у моих сопровождающих только и было слышно, что «простите» да «благословите». Они поклонились Игумену и оставили меня с ним наедине.

– Ну, что рабе Божий, с чем пожаловал к нам? Уж больно ты зело власат и брадат. Не по чину ты носишь эту растительность. Такие власы и брада более к лицу Архимандриту или Епископу.

– Это, отец Игумен, растительность такую больше держу не для и-ми-джа, а для сохранения энергии.

– Вона как! – удивился Игумен. – И что же сохраняется твоя энергия?

– Нет, на днях хотел повеситься.

– Что так, мил человек? Уже и Божий свет тебе в тягость?

И тут я рассказал Игумену, как на духу, всю свою жизнь и под конец стал проситься в монахи.

– Нет, не могу принять тебя в монастырь, мил человек, уж очень ты заматаревши в духовном блюде.

– Примите, отец Игумен, я разматарюсь, а сейчас я овца заблудшая.

– Нет! Не могу, – ответил Игумен.

– Если не возьмете, тогда я лягу под дверью и не буду есть и пить. Или примите, или я околею здесь.

– Валяй, – сказал Игумен и дал понять, что разговор окончен.

Я вышел во двор и лег на кучу песка. И трое суток лежал я, распластавшись на этой куче. Без питья мне стало плохо, и все померкло перед глазами. И не чувствовал, как монахи подняли меня и перенесли в келью. Когда я очнулся, мне дали воды и посадили на стул. Старый монах большими овечьими ножницами окорнал мне волосы и бороду. Открыли окно, чтобы дать мне поболее воздуха, и тут зазвонили к вечерне. Как услышал я этот колокольный звон, так и залился слезами. Плакал и рыдал я долго. И чем дольше плакал, тем легче становилось у меня на сердце, и перестала давить грудь чугунная тяжесть тоски, и я остался в монастыре.

Вначале был трудником, потом три года ходил в послушниках, и назначено мне было рыбное послушание. И много дней в утлой ладье, колыхаясь на волнах вместе с братией, я провел на озере. Нрав здешней рыбы я понял быстро и без улова не возвращался. Отец Игумен любил поесть свежей рыбки, а также и похлебку со сметками, при этом, глядя на меня, всегда шутил: «Чтобы я делал без тебя, отец Питирим». Теперь я уже пострижен в рясофор и стал законным иноком. Без Христа и Матушки Богородицы ни шагу. Молитесь за меня грешного, люди добрые, и Бог не оставит вас.

Тяжелые времена

Родился я в предместье Чикаго в ненастное утро, когда еще не разошлись ночные сумерки, смешанные с туманами озера Мичиган и вонью гигантских Чикагских скотобоев. Моя мать – рослая рыжая женщина – была не из породы неженков, а после родов с оханьем сразу встала, перетянула себе живот полотенцем и принялась помогать дряхлой полуслепой старухе обмывать меня в тазу от крови и кала и пеленать в какие-то тряпки. У моей матери была судьба рабочей лошади. Насколько я ее помню, она была с вечно озабоченным лицом, покрытым веснушками, с припухшими красноватыми веками, а грубыми, рабочими, не знавшими покоя, руками вечно что-то делала. С раннего утра она уходила в механическую прачечную братьев Гольдберг, оставляя мне на старом засаленном диване укутанные тряпками и газетами кастрюльки с едой. А возвращалась она домой только вечером, отстояв на ногах по двенадцать часов у гладильного пресса. Открыв дверь, она бухалась на стул и молча сидела с полчаса, положив руки на колена. Придя в себя, она до ночи возилась по хозяйству. И так каждый день, многие годы.

А вот отца у меня не было, и соседи называли меня подзаборником. Говорили, что к матери одно время похаживал какой-то шведский моряк, после чего я и появился на свет. Конечно, когда-то законный отец у нас был, но он умер от скоротечной чахотки вскоре после того, как наша семья из Белорусского Полоцка эмигрировала в Америку. В свое время ему дьявольски повезло с эмиграционным комитетом, от которого он получил «Шифс-карту» для своей семьи, дающую возможность вырваться из беспросветной нищеты и уехать в благословенную Америку, где при удаче можно было быстро разбогатеть и начать новую жизнь. Но надежды его не оправдались, и он, освободившись от всех проблем, упокоился на Чикагском кладбище для бедных эмигрантов.

Кроме меня у матери было двое законных сыновей – здоровенных грубых парней, жадных и прожорливых, работавших на обвалке коровьих туш на Чикагской скотобойне. Мои братья, приходя с работы, пропахшие жиром и кровью, долго отмывались под душем, крикая и гулко шлепая друг друга ладонями по могучим телесам. Затем, съев по громадной миске тушеного мяса с картошкой, они заваливались на диваны с красочными глянцевыми журналами и рассматривали фото обнаженных красоток и блистающие никелем и лаком модели автомобилей. Вскоре журналы вываливались у них из рук, и мощный храп разносился по всей квартире. Любимым занятием по вечерам у них было подсчитывание набежавших процентов на их банковском счету. В жизни они страшно скопидомничали, ущемляя себя во всем, прикладывая цент к центру и ежемесячно совершали торжественный ритуал внесения в банк очередной накопленной суммы.

Наконец, давнишняя их мечта сбылась, и они открыли собственное дело, арендовав мясную лавку.

– Нечего тебе, подзаборнику, даром жрать хлеб, – сказал старший Рувим и взял меня в лавку уборщиком.

После школы, наскоро перекусив, я бежал в лавку и как проклятый до вечера скоблил сальный прилавок, мыл горячей водой пол, чистил ножи и топоры. С покупателями, не боясь правосудия, братья жульничали как могли. Были у них и фальшивые гири, и мясо они ловко взвешивали в свою пользу, отвлекая покупателя веселым зубоскальством. А если мясо у них чернело, сохло и начинало пованивать, они мыли его в соленой воде и делали из него фарш, сдабривая его селитрой. Если я не успевал к вечеру отскоблить от сала лавку, братья били меня и страшно орали, переходя с английского на русский мат. Английский язык я знал хорошо, потому что это язык моего детства, да и учился я в американской школе, но кроме этого, я знал и русский язык, на котором дома разговаривали моя мать и братья.

Однажды в субботу, когда мясная лавка обычно была закрыта, вместо посещения синагоги я шатался по городу, рассматривал витрины магазинов и поедая из пакета чипсы. Синагогу я не любил, считая ее нудной, и вообще ни в какого бога не верил, но по иудейскому закону на восьмой день жизни был обрезан. И так, гуляя по городу, я набрел на русскую православную церковь и зашел туда просто из любопытства, так как все, что относилось к России, меня всегда привлекало и интересовало. Народу в церкви было немного, пел хор, и, вероятно, служба подходила к завершению. Священник вышел с Чашей в руках, и все стали подходить к нему, он что-то черпал ложечкой из Чаши и угощал подходящих. Я тоже возжелал угощения и подошел последним, но священник Чашу унес в алтарь, сказав мне, чтобы я пока не уходил. Когда окончилась служба, мы со священником сели в сторонке, и он с любопытством и доброжелательством некоторое время разглядывал меня. Наш разговор вначале велся по-английски, а потом мы перешли на русский язык. Такого приятного и внимательного собеседника я еще в своей жизни не встречал. Я ему все рассказал о себе, и он удивился, что я еврей.

– А ты больше похож на скандинава, – сказал он.

И я тут сгоряча брякнул, что и соседи говорят, что после смерти отца к моей матери ходил швед, после чего я и появился на свет. Священник улыбнулся и пригласил меня отобедать вместе с ним. Мы спустились в полуподвальное помещение, где была трапезная, и служитель из соседнего ресторанчика принес нам горячий обед.

Впоследствии много-много раз я приходил в эту церковь, и мил мне стал этот человек, в котором я нашел отца и наставника, потому что я рос без родительской ласки и внимания, постоянно дома и в лавке слушая только брань и получая тычки и подзатыльники и видя кругом нищету, алчность и вечную погоню за деньгами.

Мои старшие братья, Рувим и Яков, ожаднели до невозможности. Обманывая покупателей, они стали обманывать друг друга, утаивая выручку. В лавке они работали через день. Когда один торгует в лавке, другой едет на склад или на стареньком «Форде» развозит товар заказчикам. Подозревая друг друга в обмане, они каждый день бранились, изощряясь в крутом мате, и уже часто дело доходило до драки. И когда сцеплялись эти два буйвола, в лавке все ходило ходуном, и я думал, что рано или поздно они искалечат или убьют друг друга. Деньги, деньги – не сходило с их языка, и мне так опротивела эта лавка с изрубленными деревянными колодами, говяжьими и бараньими тушами, висящими на острых крюках, с красными, скалящими зубы и глядящими на тебя мутными мертвыми глазами ободранными головами, выставленными на прилавке, сладковатым запахом парного мяса, что я ходил туда, едва волоча ноги, с отвращением и ненавистью, как на каторгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.